
КЛИМ АРИ
Утонуть в тебе
Я бы предпочёл быть тем, с кем тебе не страшно зайти глубже.
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Клим Ари
Утонуть в тебе

https://litres.ru/74914344
SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга дилогии.

Говорят, от таких мужчин надо бежать без оглядки. Но Эвелин Хейзел Кросс предпочитает смотреть им прямо в глаза и скалиться в ответ.

Киллиан Торн не просит разрешения, не играет по чужим правилам и привык забирать всё, к чему прикасается. В дождливом Сиэтле у него есть свои правила, холодный расчёт и чёткий план. Ровно до того момента, пока на его пути не появляется девчонка, не привыкшая быть удобной.

Он хочет сломать её упрямство. Она же готова сжечь всё вокруг, лишь бы не поддаться его влиянию.

Между ними нет места нежности — только опасная игра, где шаг назад означает проигрыш, а шаг вперёд грозит утянуть на самое дно.

Вопрос лишь в том, кто первым задохнётся в этой глубине.

Примечание: это первая часть дилогии — история Киллиана и Эвелин получит продолжение во второй книге.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 22
Глава 3 33
Глава 4 44
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Клим Ари
Утонуть в тебе

Глава 1

Киллиан

Я всегда позволял себе десять минут тишины перед тем, как лишить человека жизни.

Десять минут, чтобы ещё раз убедиться: то, что я собираюсь сделать, действительно необходимо. Десять минут, чтобы успокоить дыхание. Десять минут, чтобы понять, смогу ли я снова смотреть на себя в зеркало после всего этого.

Сегодня я уже знал ответ: смогу.

Я оставил машину чуть в стороне от входа в бар, на небольшом свободном участке у обочины.

Для своих так называемых благотворительных визитов я никогда не использовал основной автомобиль. Вместо него у меня был старенький, ничем не примечательный седан, который я приобрёл около десяти лет назад, когда только начинал заниматься тем, чем занимаюсь по сей день.

Чего греха таить, выглядел он довольно паршиво. Но всё ещё исправно служил мне. А большего мне и не требовалось.

Мне досталось на удивление удачное место. Вход в заведение отсюда был как на ладони. Я мог видеть каждого, кто входил в бар и покидал его.

На часах было 01:43. Ночь давно перевалила за ту границу, когда город переставал притворяться приличным. На мокром асфальте отражались вывески, редкие машины проносились по пустой улице, а из бара время от времени доносились голоса и смех тех, кто ещё не спешил возвращаться домой.

Я смотрел на дверь. Он должен был выйти в течение следующих десяти-пятнадцати минут. Я знал это наверняка.

Пару недель я следил за этим мудаком и быстро понял: он чертовски предсказуем. Одно и то же время. Один и тот же маршрут. Одни и те же привычки. Скукота.

К своим сорока семи годам он успел засветиться в двух официальных делах о нападении. Одно закончилось условным сроком, другое — оправдательным приговором. Сколько подобных историй так и не попало в полицейские отчёты, оставалось только гадать.

Но моё внимание привлекли не столько эти дела, сколько исчезновения трёх женщин, каждую из которых незадолго до пропажи видели в его компании. Совпадения выглядели слишком подозрительными, чтобы их игнорировать. Однако доказать причастность Крейна так и не удалось.

Полиция, казалось, не слишком спешила разбираться в происходящем. Постоянно находились какие-то оправда-

ния: то свидетелей не хватало, то улик, то дело оказывалось недостаточно убедительным. В итоге все три дела постепенно отправились в архив.

Но мне удалось докопаться до правды.

Разбирая материалы, я обнаружил кое-что любопытное. Незадолго до исчезновения две из трёх женщин обращались в полицию с жалобами на преследование со стороны Крейна. Однако в официальной базе данных никаких сведений об этих обращениях не сохранилось. Словно их никогда и не существовало. Почти никаких следов.

Но я знал, где искать. Работа в сфере кибербезопасности приучила меня обращать внимание на то, что другие обычно упускают. Записи из официальной базы исчезли, но тот, кто занимался их удалением, явно не позаботился обо всех следах. В системных журналах и резервных копиях кое-что всё-таки сохранилось.

Восстановив часть удалённых данных, я выяснил, что обе жалобы регистрировал один и тот же полицейский. Тот самый, которого впоследствии подключили к расследованию исчезновений девушек.

Но это оказалось далеко не единственным совпадением. Фамилия того же полицейского фигурировала в материалах обоих дел о нападении, связанных с Крейном, а также во всех трёх расследованиях исчезновения женщин.

Судя по всему, в их участке был настоящий кадровый голод.

Я продолжил копать и вскоре обнаружил ещё одну связь. Этот служака состоял в родстве с нашим дорогим папочкой Крейном.

Вот так неожиданное совпадение. Прямо семейная традиция: пускаться во все тяжкие, заметать следы и в итоге выходить сухими из воды.

Хотя в нашем гнилом мире подобное давно никого не удивляло. Власть и нужные связи всегда находили применение — особенно когда требовалось прикрыть своих. И закон, разумеется, охотно закрывал на это глаза.

Я открыл лежавшую рядом папку и снова взглянул на фотографию мужчины. Джонатан Крейн. Самая обычная физиономия. Ничем не примечательная. И ведь ни единой подсказки на лице — ни предупреждения, ни надписи на лбу: «Я конченый ублюдок. Держитесь от меня подальше».

Жаль. Это бы заметно облегчило жизнь.

Если бы не всё, что мне удалось сегодня выяснить, я бы ни за что не догадался, что за человек скрывается за этой заурядной внешностью. Хотя слово «человек» здесь было не совсем уместно.

Я задержал взгляд на фотографиях. Три молодые женщины. Три пропавшие души. У каждой была своя жизнь, свои близкие, которые, возможно, до сих пор ждали их возвращения.

Я провёл большим пальцем по краю одной из фотографий.

— Три женщины, Джонатан… Чёртов ты ублюдок, — тихо пробормотал я.

Закрыв блокнот, я достал из кармана знакомый шуршащий рулончик, выдавил пальцем круглый леденец и закинул его в рот. Резкий, ледяной вкус мяты мгновенно обжёг горло, пробивая густой морок в голове. Я ждал, пока ментоловая резкость прояснит забитое мыслями сознание — отсекая лишнее, возвращая тот холодный контроль, к которому я привык. Убрав упаковку обратно в карман джинсов, я натянул латексные перчатки, разгладил их по пальцам и бросил последний взгляд в сторону бара.

На часах было 01:53. Я натянул капюшон чёрной худи глубоко на лицо.

Спустя пару минут я наконец заметил Крейна. Он вышел из бара вместе с мужчиной примерно его возраста. Они о чём-то разговаривали, смеялись, хлопали друг друга по плечу. Через некоторое время его приятель поймал такси и уехал, а Крейн, немного постояв на месте, направился дальше в одиночестве.

Я подождал, пока он не свернул на более тихую улицу, и только тогда вышел из машины.

Дождь закончился около часа назад, но город всё ещё блестел от воды. В лужах дрожали отражения фонарей, а воздух пах мокрым асфальтом и табаком. Крейн шёл неторопливо, засунув руки в карманы брюк. Он не слышал шагов позади. Не видел человека в тёмной одежде, идущего за ним. Не за-

мечал, как расстояние между нами стремительно сокращалось.

Крейн свернул в узкий переулок, ведущий к парковке. Я последовал за ним.

Я постепенно сокращал расстояние, пока между нами не осталось всего несколько шагов. Он словно ничего не замечал. Продолжал идти, погружённый в свои мысли, и, казалось, даже не слышал моих шагов.

Когда я оказался совсем близко, он наконец почувствовал чужое присутствие. Резко вздрогнув, Крейн попытался обернуться, но было уже поздно. Я схватил его сзади, крепко зажав рот ладонью, а другой рукой прижал пистолет с глушителем к его боку. Его спокойствие мгновенно сменилось растерянностью, а затем страхом. Он дёрнулся, пытаясь вырваться, но я удержал его.

— Тише, — произнёс почти беззвучно.

Он замер. Я заметил, как широко раскрылись его глаза. В них читался животный страх — кажется, теперь он понял всё. Я ещё несколько секунд смотрел на его лицо, словно давая ему время осознать неотвратимость происходящего и понять, почему именно эта ночь станет для него последней. Затем спокойно и уверенно нажал на курок.

Хлопок выстрела растворился в шуме далёкой дороги. Я знал, что второго выстрела не потребуется. Тело тяжело обмякло в моих руках. Я разжал пальцы, и он рухнул на холодный асфальт.

Несколько секунд я неподвижно смотрел на него сверху вниз. Никакого торжества. Никакого облегчения. Только знакомая пустота.

Я уже собирался уходить, когда за спиной раздался звук. Очень тихий, чужой, испуганный вздох.

Я замер и медленно повернул голову.

Через дорогу стояла девушка. Она застыла под фонарём, прижимая одной рукой к груди небольшую сумку. Другой рукой она прикрывала рот. Её взгляд был прикован ко мне.

Я не двигался. Она тоже. Расстояние между нами было немалым, но мне всё же удалось разглядеть черты её лица. Даже в тусклом свете фонаря я заметил выражение её глаз. Страх. Настоящий, неподдельный страх.

Она попятилась. Я сделал шаг вперёд. Девушка резко втянула воздух, развернулась и бросилась бежать.

Я остался стоять на месте, провожая её взглядом. Несколько секунд я просто смотрел ей вслед, не зная, что предпринять.

Прежде мне не доводилось попадать в подобные ситуации.

Невиновных я не убивал. Это было одним из немногих правил, которые я никогда не нарушал.

Я тщательно подготовился: выбрал время и место, заранее осмотрел переулки, убедился, что поблизости нет камер. Всё было предусмотрено. По крайней мере, так мне казалось до сегодняшней ночи.

Однако этот случай оказался другим. Первое, что пришло мне в голову, — догнать её и запугать настолько сильно, чтобы она не только не посмела рассказать кому-нибудь об увиденном, но и, чего доброго, забыла собственное имя.

Впрочем, если подумать, серьёзной угрозы она для меня не представляла. Даже если девушка решится кому-нибудь рассказать о том, что видела, вряд ли её слова приведут к чему-то конкретному. Я слишком хорошо позаботился о том, чтобы не оставить следов, которые могли бы вывести на меня.

Но дело было даже не в этом. Меня раздражало само её появление. Она вклинилась в мой тщательно продуманный сценарий и нарушила ход событий, который я заранее расписал для себя до мелочей. А такого я не любил.

Я снова перевёл взгляд на девушку. Она бежала изо всех сил, иногда спотыкаясь на влажном асфальте, но каждый раз находила в себе силы продолжать. В каждом её движении угадывался леденящий, сковывающий страх. И всё же в этом беге не было ни истерики, ни хаоса — лишь отчаянная решимость человека, борющегося за свою жизнь.

Я мог догнать её. Даже не напрягаясь. Но почему-то не спешил.

В её лице промелькнуло что-то странное. Что-то чужое, но при этом пугающе знакомое. Я нахмурился.

Я бросил короткий взгляд на тело, затем посмотрел вслед убегавшей девушке. Медлить больше было нельзя. Я быстро

поднял с земли стреляную гильзу, убрал её в карман и поспешил прочь.

Правильно ли было её отпустить? Хороший вопрос. Жаль, что ответа у меня не было.

Я невесело усмехнулся и направился к машине. Похоже, эта ночь ещё преподнесёт мне немало сюрпризов.

Эвелин

Я не чувствовала ног. Наверное, они всё ещё несли меня вперёд исключительно благодаря какому-то животному инстинкту, потому что мозг давно перестал участвовать в происходящем.

Беги. Только одно это слово крутилось в голове.

Я не оборачивалась. Мне казалось, стоило лишь посмотреть назад — и он окажется прямо за моей спиной. Я бежала, пока лёгкие не начало обжигать изнутри, пока в боку не вспыхнула острая боль, а пальцы не онемели от того, как сильно я сжимала ремешок сумки.

Мне хотелось спрятаться. Исчезнуть. Забраться под одеяло и притвориться, будто ничего этого никогда не было. Больше всего на свете я хотела оказаться дома, но привести его прямо к своей квартире? Нет. Это было бы слишком опасно.

Рисковать я не могла. Поэтому свернула на соседнюю улицу, затем ещё на одну, пытаясь сбить возможного преследо-

вателя со следа. Мне нужно было выиграть хотя бы несколько драгоценных минут.

Этот район я знала как свои пять пальцев. Каждый двор, каждый переулок, каждую лазейку между домами. Впереди виднелся узкий проулок между двумя серыми пятиэтажками. Он вёл во внутренний двор моего дома, но с противоположной стороны.

Не раздумывая, я свернула туда, едва удержав равновесие на скользком после дождя асфальте.

Добравшись до глухой стены соседнего корпуса, я резко остановилась и прижалась к ней спиной. Несколько секунд стояла неподвижно, стараясь унять сбившееся дыхание и прислушиваясь к тому, что происходило вокруг.

Но было тихо. Ни шагов, ни голосов, ни малейшего шороха.

Зажмурившись, я отчаянно попыталась восстановить дыхание, но вместо глубокого вдоха из груди вырвался лишь короткий, предательски дрожащий всхлип. Я тут же зажала рот ладонью, испугавшись, что даже этот звук мог выдать моё местоположение.

Ещё немного помедлив, я осторожно подалась вперёд и выглянула из-за угла.

Улица была пуста.

Я перебежала двор и остановилась у подъездной двери. Руки всё ещё дрожали, когда я достала чип и приложила его к считывателю.

Раздался тихий щелчок. Я быстро проскользнула внутрь и плотно закрыла за собой дверь.

В подъезде стояла гробовая тишина. Стараясь ступать бесшумно, я взлетела на второй этаж и замерла перед собственной дверью. Пальцы так мелко дрожали, что ключ никак не попадал в скважину, с тихим лязгом ударяясь о металл.

Наконец замок поддался. Я протиснулась в узкую щель и тут же один за другим заперла все засовы.

Щёлк. Щёлк. Щёлк.

Только после этого я позволила себе выдохнуть.

Я не стала включать свет. Просто стояла в полной темноте, прижавшись спиной к двери. Из кухни доносился тихий, едва различимый гул холодильника.

Я медленно опустила взгляд на свои руки. Они всё ещё дрожали.

Вдруг я почувствовала что-то влажное на щеке. Ладонь скользнула по лицу, и только тогда я поняла, что плачу.

— Господи...

Я закрыла глаза. И тут всё вернулось. Не по частям. Целиком.

Глубокая тень капюшона, скрывающая лицо, чёрная одежда и холодный силуэт оружия — всё это невозможно было спутать ни с чем. Он стоял над мёртвым телом совершенно спокойно — так, будто подобное было для него привычным делом. В этой невозмутимости было что-то настоль-

ко жуткое, что кровь стыла в жилах.

Но среди всех воспоминаний особенно отчётливо в памяти сохранился он сам. Высокий, широкоплечий, с массивной фигурой, казавшейся ещё внушительнее в тесноте переулка. Казалось, одного его присутствия было достаточно, чтобы заполнить собой всё пространство вокруг.

Его лица практически не было видно. Издалека свет тусклого фонаря едва касался его черт, выхватывая из полумрака линию острого подбородка и лишённые всякого выражения губы. Верхняя часть лица оставалась полностью скрытой. Я даже не знала, куда он смотрит. И всё же тогда меня не покидало ощущение, что его взгляд направлен прямо на меня. Он словно давил невидимым тяжёлым грузом, пробиваясь сквозь темноту и не позволяя мне отвести глаза.

Я резко открыла глаза, словно пытаясь отогнать эти воспоминания, и наконец попыталась отлепиться от двери. Но ноги словно взбунтовались после моего забега — налились свинцом и едва слушались. С трудом переставляя их, я добралась до спальни, стянула с плеча сумочку и уронила её на пол. Та глухо ударилась о пол, неожиданно тяжёлая из-за телефона, лежавшего на самом дне.

Я опустилась на край кровати и несколько секунд просто смотрела в пол, не решаясь пошевелиться. Наконец мой взгляд скользнул к сумке, и рука сама потянулась к ней. Я выудила телефон и уставилась на заблокированный экран.

Полиция. Разум кричал, что набрать три цифры нужно

было ещё в прихожей. Я прекрасно всё понимала, но палец так и застыл в миллиметре от экрана, не в силах его разблокировать.

А что, если он всё-таки потерял мой след?

Я ведь старалась оторваться от него, петляла дворами, сворачивала то туда, то сюда. Вполне возможно, что он до сих пор пытался меня найти.

От этой мысли кровь заледенела в венах.

Нет, звать полицию было бы чистым самоубийством. Я не знала, кто этот человек и на что он способен, но одно понимала совершенно точно: он не выглядел тем, кто привык оставлять незавершённые дела.

А если он заметил меня? Если уже понял, что я стала свидетельницей убийства, и теперь ищет способ найти меня?

Мигалки спецмашин и силуэты людей в форме превратились бы в огромный неоновый указатель, буквально орущий: «Тебе сюда. Прямо по курсу».

Я не могла рисковать.

От одной мысли о полиции я невольно вспомнила папу. Сейчас он уже был на пенсии, но много лет проработал следователем и знал эту систему изнутри как никто другой.

Я задержала взгляд на телефоне. В голове мелькнуло желание позвонить ему, но стоило представить, как он отреагирует на мои слова, как я тут же усомнилась в этой затее.

Папа никогда не умел оставаться в стороне, когда дело касалось меня. Узнав, чему я стала свидетельницей, он навер-

няка тут же бросился бы мне на помощь, даже не задумавшись о том, что тем самым может подвергнуть опасности и себя.

Именно это меня и останавливало. Он уже давно отошёл от дел, да и здоровье в последнее время подводило всё чаще. Мне совсем не хотелось снова втягивать его в очередную опасную историю. Я слишком хорошо знала папу и понимала, что он не станет думать о собственной безопасности, если мне будет грозить опасность.

Я бессильно провела ладонью по лицу. Мысли вихрем метались в голове, никак не желая складываться в единую цепочку.

С другой стороны, справляться с этим в одиночку тоже было полным безумием.

Я сглотнула подступивший к горлу ком. Решение далось тяжело, но сейчас оставалось лишь одно: переждать ночь, запереть страх на два оборота и попытаться забыть всё случившееся, словно страшный сон. Это было безрассудно. Наверное, даже глупо. Но мне было всё равно. Нужно было просто пережить эту ночь. А там… не знаю. Там будет видно.

Не знаю, сколько часов я пролежала в темноте, боясь закрыть глаза. Стоило векам сомкнуться, как перед внутренним взором снова и снова возникали картины пережитого. Я вздрагивала, распахивала глаза, но реальность, от которой так отчаянно пыталась отстраниться, никуда не исчезала.

Несколько раз я проверяла время на телефоне: 03:17,

04:02, 04:48. После пяти уже перестала смотреть на часы.

Мне безумно хотелось спать, но липкий страх продолжал держать горло в тисках. Под утро силы окончательно иссякли, и я буквально отключилась. Не потому, что стало спокойнее или безопаснее, а просто потому, что в теле не осталось ни единой капли энергии, чтобы и дальше противостоять страху.

Я проснулась от тусклого жёлтого света, пробивавшегося сквозь занавески. Несколько секунд просто лежала, прислушиваясь к звукам и пытаясь понять, где нахожусь. Сон ещё не успел окончательно отпустить меня, когда память вернулась — резко, одним ударом.

Рассвет не принёс облегчения. Только холодное понимание: ночь прошла, но ничего не изменилось.

Я машинально протянула руку, шаря пальцами по смятой простыне. Телефон нашёлся не сразу. Нащупав его, я включила экран — холодный свет резанул по глазам.

09:23.

Я моргнула, ещё раз посмотрела на экран, будто надеялась, что цифры изменятся. Но нет. 09:23. Сон окончательно рассеялся, оставив после себя лишь неприятную тяжесть в теле и тревогу, от которой никак не удавалось избавиться.

Я лежала неподвижно, глядя в потолок и ощущая, как бешеный пульс стучит где-то в висках. Каждый шорох за входной дверью казался крадущимися шагами человека в капюшоне. Пытаясь сбросить оцепенение, я наконец поднялась и

направилась в ванную.

Вода обрушилась на плечи, заглушая остальные звуки, но легче не становилось. Я простояла под обжигающими струями почти полчаса, словно надеялась смыть с себя вчерашний ужас вместе с кожей. Но сколько бы ни терла тело, сколько бы ни подставляла лицо горячей воде, воспоминания никуда не исчезали. Они по-прежнему были где-то внутри — слишком близко, слишком отчётливо.

Выйдя из ванной, я вернулась в спальню. Какое-то время я просто сидела, погрузившись в собственные мысли, словно пытаясь разобраться в себе и найти хоть какое-то решение. Но чем дольше я оставалась наедине с собой, тем отчётливее понимала, что меньше всего сейчас хочу оставаться одна. Мне отчаянно хотелось оказаться рядом с кем-то, кому я доверяю, почувствовать хотя бы иллюзию безопасности.

Конечно, посвящать отца во все подробности случившегося я не собиралась. Но пожить у него пару дней казалось вполне разумным решением. Я и раньше нередко приезжала к нему на выходные без особого повода, так что внезапный визит вряд ли вызвал бы лишние вопросы.

Недолго думая, я взяла смартфон и нажала кнопку вызова. Гудки шли мучительно долго.

— Привет, родная моя! — привычно бодро поприветствовал меня отец.

Я на мгновение замолчала, вслушиваясь в его голос. Такой знакомый, спокойный, родной. И вдруг стало невыноси-

мо трудно сохранять видимость, будто у меня всё в порядке.

— Папуль, привет! Как ты? — Я поспешила заговорить, пока пауза не выдала меня с головой. — Слушай, я тут подумала… Может, приеду к тебе сегодня? На пару дней. Давно не виделись, соскучилась. Побудем вместе, поболтаем. Как ты смотришь на это?

— Ты ещё спрашиваешь? Да я уже чайник поставил и у двери тебя жду! А к вечеру, глядишь, и фигуры расставим — вдруг сегодня случится чудо и мне наконец удастся тебя обыграть.

Я невольно улыбнулась, услышав его ответ.

Он тихо усмехнулся, и от этой знакомой, добродушной усмешки у меня защипало глаза.

— Чур, я белыми! — хмыкнула я, стараясь сделать голос как можно более лёгким, хотя в онемевших пальцах смартфон едва держался.

Закончив разговор, я принялась торопливо заполнять небольшую сумку самым необходимым: одеждой, косметикой, зарядкой для телефона. Я почти не задумывалась о том, что беру, — хотелось поскорее собраться и оказаться в дороге.

Собравшись, я вызвала такси через приложение. Уже через двадцать минут стояла у подъезда, натянув капюшон ветровки и нервно поглядывая по сторонам в ожидании машины.

Uber приехал довольно быстро. Забравшись на заднее си-

денье, я откинулась на спинку и прикрыла глаза. Машина тронулась. Утреннее солнце всё ещё стояло низко над городом. Его яркие, почти ослепляющие лучи то и дело пробивались сквозь стекло, и даже сквозь сомкнутые веки я чувствовала их яркость. Казалось, они проникали повсюду, наполняя салон теплом. На мгновение это живое сияние словно рассеяло ту темноту, что преследовала меня всю ночь.

Дорога тянулась мимо знакомых кварталов. Я лишь изредка оборачивалась, пытаясь выцепить из потока машин что-нибудь подозрительное, но улицы выглядели совершенно обычно. На залитых солнцем перекрёстках ничто не выдавало опасности — вокруг текла размеренная жизнь выходного дня.

Когда такси наконец затормозило у знакомого дома, сердце сладко ёкнуло. Двухэтажный старомодный дом за белым резным забором, увитым зеленью, встретил меня своей тихой, привычной основательностью. Казалось, здесь время текло совсем иначе — неторопливо, спокойно, не требуя от меня ничего, кроме того, чтобы просто быть.

Глава 2

Киллиан

Вернувшись домой после всего случившегося, я не мог позволить себе даже думать об отдыхе.

Расслабляться было слишком рано. Я снял куртку, бросил её на спинку кресла и сразу направился к компьютеру.

Первым делом открыл защищённую программу и вывел на экран записи с камер наблюдения. Меня интересовали несколько кварталов вокруг переулка — улицы, перекрёстки, дворы и всё, что могло попасть в поле зрения объективов. Я прекрасно помнил, что непосредственно в переулке камер практически не было, но это ещё не означало, что вокруг не осталось ничего, способного привлечь чужое внимание.

Я внимательно просматривал записи, возвращаясь к отдельным моментам и проверяя каждую деталь. Но видеозаписями дело не ограничивалось. Система сохраняла историю обращений к архиву и все действия с ним, поэтому просто удалить нужные фрагменты было недостаточно. Любая отметка о просмотре или изменении могла вызвать вопросы, а мне нужно было сделать так, чтобы никто даже не заподозрил, что этой ночью кто-то пытался что-то скрыть. Я не мог

оставить ни малейшего повода для подозрений.

Именно тогда, просматривая записи с одной из камер на соседней улице, я заметил знакомую фигуру.

Наша любопытная девчонка.

Похоже, она решила, что на этом всё закончилось, и даже не подозревала, что снова попала в поле моего зрения. Я остановил запись, проследил за её дальнейшим маршрутом и с интересом наблюдал, как она постепенно удаляется от места, где нам довелось пересечься.

Я ведь мог оставить всё как есть. В конце концов, я не стал за ней гнаться. Но раз уж она сама так удачно появилась на экране, почему бы не выяснить, куда её занесло?

Чистое любопытство. Ничего больше. По крайней мере, именно так я предпочитал это называть.

К тому моменту, когда я закончил просмотр, у меня уже был адрес дома, в котором она скрылась. Правда, здание оказалось довольно большим, с несколькими подъездами и множеством квартир. До конкретной двери я пока не добрался.

Но это уже было вопросом времени.

Убедившись, что в системе не осталось ничего подозрительного, я закрыл ноутбук и откинулся на спинку кресла. Несколько секунд смотрел в пустоту перед собой, после чего развернулся к панорамному окну.

Ночь медленно отступала, уступая место бледному утреннему свету. Между высотками уже проступали очертания города, но моё внимание было далеко от него.

В голове снова всплыло её лицо.

Девчонка, которая умудрилась за одну встречу нарушить мой привычный порядок вещей. И, что раздражало больше всего, я до сих пор не мог выбросить её из головы.

Правильно ли я поступил, позволив ей уйти? Возможно, стоило сразу поставить её на место, дать понять, что некоторые вещи лучше забывать, а некоторые люди не терпят чужого любопытства.

Но я этого не сделал.

И теперь, вместо того чтобы спокойно закончить ночь и забыть о случившемся, я снова и снова возвращался к тому моменту, прокручивая в голове варианты, которые уже ничего не меняли.

Я терпеть не мог подобного.

Обычно я не тратил время на сомнения. Принимал решение, действовал и не оглядывался назад. Так было всегда.

Тогда какого чёрта с ней всё оказалось иначе?

Я раздражённо выдохнул, развернулся в кресле и бросил взгляд на настенные часы.

05:13.

К этому времени она уже, скорее всего, обратилась в полицию. Эта мысль на мгновение задержалась в голове.

И что, интересно, она собиралась им рассказать? Что один человек — с двумя руками, двумя ногами и вполне обычной головой — убил другого человека? Весьма содержательно. Прямо-таки исчерпывающий портрет преступника.

Я едва заметно усмехнулся собственным мыслям. Вряд ли её рассказ мог доставить мне какие-либо неприятности. Но факт оставался фактом: она видела меня. И это бесило.

Мой мир строился на жёстком контроле: я сам решал, когда и чему случиться, не подстраиваясь под чужую волю. Однако теперь привычный порядок вещей давал трещину. И больше всего злило то, что виноват в этом был только я. Дал слабину, упустил момент — и теперь не мог заставить собственные мысли успокоиться. Вместо того чтобы забыть о случившемся, я раз за разом возвращался к той встрече, прокручивая в голове то, чего уже не изменить. А теперь приходилось расхлёбывать последствия собственной ошибки.

Я взглянул на циферблат и резко поднялся.

Через пятнадцать минут я уже сидел за рулём своего затонированного внедорожника.

До пятиэтажного дома, в котором она скрылась этой ночью, добрался в седьмом часу утра. Машину оставил на соседней улице, в тени редких деревьев. Прикурил сигарету и занял позицию, наблюдая из салона за тем самым зданием.

Улица почти пустовала: ни малейшего намёка на суету — лишь пара случайных прохожих.

Эта абсолютная тишина давала мне хотя бы иллюзию уверенности.

Я просидел там около двадцати минут, выкуривая одну сигарету за другой. Обычно мне хватало одной, но сейчас я никак не мог остановиться. Я бездумно затягивался, смеши-

вая густой табачный дым с ментоловой свежестью леденцов, медленно таявших на языке.

Экран телефона загорелся, высветив время: 06:35.

Похоже, больше ждать здесь не имело смысла. Я ещё раз взглянул на дом, завёл двигатель и тронулся с места, оставляя его позади.

С тех пор как я оставил Крейна на асфальте в ожидании приезда тех, кому предстояло обвести его мелом, прошло больше суток. И всё это время я не имел ни малейшего представления о том, чем занималась и что творилось в головке моей невольной соучастницы.

Утро понедельника началось как обычно — с холодного света мониторов, приглушённого гула недовольных голосов, запаха кофе и непрерывного клацанья клавиатур.

Здесь я был человеком-алгоритмом. Специалистом по кибербезопасности, для которого любая система представляла собой не более чем набор взаимосвязанных элементов: права доступа, пароли, уязвимости и правила, нарушение которых могло обернуться серьёзными последствиями.

В этот мир меня привела самая банальная необходимость — выжить. Когда-то мне приходилось вертеться как мог, находить способы заработать и делать всё, чтобы никто лишний не задавал вопросов. Компьютеры стали для меня не просто инструментом, а единственным шансом выбраться из той жизни, в которой я оказался.

Со временем я научился смотреть на цифровой мир ина-

че. За привычными окнами программ и строками кода я видел то, чего не замечали остальные: маршруты передачи данных, скрытые журналы действий пользователей, уязвимые места в защите и крошечные бреши, которых порой было достаточно, чтобы обрушить всю систему.

Начиналось всё с малого: чужие файлы, зависшие серверы, повреждённые системы и попытки исправить последствия чужой некомпетентности. Постепенно я перешёл от устранения проблем к их поиску, освоил анализ защищённости и научился предугадывать действия тех, кто пытался обойти чужую защиту.

В какой-то момент я перестал просто разбираться в системах. Я научился думать на несколько шагов вперёд — и это стало моим главным преимуществом. Обычно мне хватало нескольких минут, чтобы полностью погрузиться в работу, отсекая всё лишнее. Но сегодня даже эта привычка меня подвела. Мысли никак не хотели складываться в чёткие алгоритмы, а внимание раз за разом ускользало от монитора.

Целые сутки я держался.

Запрещал себе искать её. Логика была проста: если оставить её в покое, она так и останется случайным свидетелем. Но если я начну копать глубже, то сам превращу её в нечто гораздо большее — в собственную навязчивую идею.

Я не собирался делать её частью своего мира.

Однако ещё до полудня понедельника моё самообладание дало трещину.

Контроль был единственным, что позволяло мне удерживать жизнь в привычных рамках. Но теперь отсутствие информации о ней ощущалось почти как системная ошибка. Что-то выпадало из общей картины, и я не мог оставить это без внимания.

Я должен был знать.

Хотя бы для того, чтобы вернуть себе ощущение контроля.

Первым делом я проверил, какие системы обслуживали её дом и к каким данным у меня был доступ через рабочие каналы. Домофонная сеть была связана с общей системой видеонаблюдения, а архив хранился на сервере, к которому у меня был доступ по работе.

Я выставил примерное время, когда она могла появиться у дома. Подъездов в здании было несколько, поэтому пришлось последовательно просматривать камеры, переходя от одной записи к другой.

Минут через двадцать я наконец заметил знакомую фигуру.

Длинные тёмные волосы, голубые джинсы и такая же голубая ветровка. Она появилась в кадре примерно через десять минут после того, как сбежала от меня.

Ошибиться было невозможно.

Это была она.

Я продолжил просмотр. Она вошла в подъезд и вскоре скрылась из поля зрения камеры.

Именно здесь обнаружилась первая настоящая зацепка: система домофона сохранила время срабатывания электронного ключа, которым открыли входную дверь. Я открыл журнал доступа и нашёл нужную запись. Ключ был зарегистрирован за конкретной квартирой.

Квартира 106.

Я сохранил номер и принялся искать связанные с ним сведения в доступных мне системах.

Напрямую имя жильца система не показывала. Только номер квартиры, технические данные ключа и историю его использования. Этого было недостаточно, чтобы установить личность, но вполне хватало для дальнейшего поиска.

Я проверил всё, что могло быть связано с этим адресом: контактные данные, старые обращения в обслуживающие службы, сведения о жильцах. В результатах появилось несколько фамилий, однако ни одна не давала нужной уверенности. В квартире могли жить родственники, арендаторы или вообще люди, никак не связанные с девушкой.

Тогда я решил сменить подход и искать не человека, а следы, ведущие от квартиры к нему.

Если она действительно там жила, её имя рано или поздно должно было пересечься с этим адресом. Университет, работа, доставки, старые объявления, публичные профили — что угодно, где одновременно фигурировали бы нужный адрес и человек подходящего возраста.

Это оказалось сложнее, чем я рассчитывал.

Адрес сам по себе давал слишком много мусора. Одни записи давно устарели, другие относились к прежним жильцам, а по третьим вообще невозможно было понять, кто именно ими пользовался.

Но постепенно несколько совпадений начали складываться в одну линию.

Один из следов привёл меня к университетским данным.

Я открыл доступные записи и принялся проверять фамилии, связанные с этим адресом и другими найденными контактами.

Через полтора часа из десятков вариантов осталось всего несколько наиболее вероятных. Я начал изучать их по очереди: фотографии, возраст, место учёбы, старые публикации.

Ещё двадцать минут — и сомнений не осталось.

Один из профилей совпадал слишком хорошо, чтобы списать это на случайность.

Я открыл её карточку в университетской системе и увеличил фотографию.

На этот раз я мог рассмотреть её лицо гораздо лучше. В памяти тут же всплыли те самые испуганные глаза, которые тогда, в свете уличного фонаря, я успел увидеть лишь мельком.

Теперь они смотрели на меня с экрана — большие, ясные, орехового оттенка, обрамлённые густыми ресницами. Шоколадные пряди мягко обрамляли лицо, подчёркивая чёткие черты и выразительные брови.

Значит, вот кто ты.

Эвелин Хейзел Кросс.

Лесной орех… Хм. Что ж, с чувством юмора у родителей, похоже, всё в порядке.

В её карточке уже была вся необходимая информация: фотография, номер телефона и другие персональные данные. Я сохранил всё, что могло мне понадобиться, и закрыл профиль.

Я провёл ладонью по лицу и на несколько секунд прикрыл глаза, позволяя себе наконец выдохнуть.

Теперь всё наконец сложилось в единую картину: имя, лицо, адрес и номер телефона. Больше она не была для меня безымянной незнакомкой, случайно оказавшейся не в том месте и не в то время.

Но даже этого оказалось недостаточно.

Мне надо было знать, что творится у неё в голове. Понять, вспоминает ли она тот вечер так же часто, как я.

Я вспомнил страх, который увидел в её глазах тогда. То, как она смотрела на меня, как пыталась справиться с охватившей её паникой. И, чёрт возьми, это настолько врезалось мне в память, что захотелось увидеть всё снова. И самому вновь испытать то же чувство.

Я прекрасно понимал, что поступаю как последняя мразь. И, признаться, меня это ничуть не останавливало. Вместо того чтобы оставить её в покое, решил напомнить о себе. Причём так, чтобы она не просто вспомнила нашу встречу, а на-

чала сомневаться в каждом своём шаге. Чтобы боялась заговорить, обратиться за помощью, сделать что-то за моей спиной.

Мне не нужно было, чтобы она молчала. По крайней мере, не настолько. Но мне нравилась сама мысль, что она будет молчать, потому что я так сказал.

В слоте телефона давно лежала вторая SIM-карта, которой я никогда не пользовался. Теперь ей наконец предстояло сыграть свою партию.

Я ввёл её номер и открыл диалог.

Пальцы на мгновение замерли над клавиатурой. Я усмехнулся, подбирая слова.

Я перечитал сообщение и отправил его.

Контроль снова был в моих руках.

Игра началась.

Глава 3

Эвелин

Понедельник начался с удушающей жары. Я проснулась ближе к полудню, с влажным от пота лбом и прилипшими к вискам прядями волос. После паршивой ночи ныло всё тело, а суставы словно заржавели. Несколько секунд я просто лежала, пытаясь сообразить, где нахожусь. Затем взгляд медленно скользнул по знакомым стенам, старому комоду и выцветшим обоям.

Моя старая комната.

Дом папы.

Я по-прежнему была здесь.

Медленно приподнявшись, я села на кровати и поспешно провела ладонями по лицу, убирая влажные пряди с висков. Кожа неприятно липла, отчего я машинально поморщилась.

В комнате стояла невыносимая духота. Занавески пропускали узкие полосы дневного света, в которых медленно кружились пылинки. Воздух казался тяжёлым и неподвижным, словно даже ему было не под силу сдвинуться с места.

Мой взгляд переместился на старую полку с книгами, большая часть которых стояла там ещё со школьных времён.

Я скользнула взглядом по знакомым корешкам, среди которых было немало книг по психологии. Кажется, я практически с самого детства знала, чему хочу посвятить свою жизнь. И с годами это желание становилось только сильнее.

Теперь же я была студенткой второго курса магистратуры по клинической психологии. И, как ни странно, возможность наблюдать за людьми и изучать их поведение находилась даже за пределами университета.

После обеда мне нужно было собираться на смену в «Magnolia Village Pub», где я подрабатывала официанткой каждое лето — ровно с того момента, как заканчивалась сессия и начинались долгожданные летние каникулы. Таскать подносы перед шумной публикой никогда не было пределом моих мечтаний, но деньги лишними не бывают.

К тому же работа неожиданно оказалась интереснее, чем я ожидала. За барной стойкой люди довольно быстро переставали следить за тем, какое впечатление производят на окружающих. Достаточно было понаблюдать за тем, как человек держит стакан, куда смотрит во время разговора, как меняется его голос после пары выпитых напитков. За несколько часов можно было увидеть больше защитных механизмов, скрытых комплексов и подавленной агрессии, чем за неделю лекций.

Наверное, именно поэтому я никогда не жалела, что устроилась туда.

Психология для меня никогда не была случайным выбо-

ром. Я заинтересовалась ею задолго до того, как подала документы в университет.

В детстве я была тем ещё папиным хвостиком. Постоянно крутилась рядом и при любой возможности напрашивалась к нему на работу. Мне ужасно нравилось сидеть в его кабинете и наблюдать за тем, как он занимается своими делами. Его стол почти всегда был завален папками, фотографиями, протоколами и какими-то бесконечными бумагами. Папа занимался расследованием преступлений, и я до сих пор очень хорошо помню его лицо в те моменты, когда очередное дело заходило в тупик.

А ещё помню, как он возвращался домой далеко за полночь, бросал ключи на тумбочку и подолгу сидел в темноте гостиной. Я, конечно, тогда мало что понимала и задавала свои детские вопросы вроде: «Ну что, пап, сколько преступников сегодня поймал?» или «А плохого дядю уже нашли?»

Он обычно только усмехался, молча ослаблял узел галстука, делал пару глотков виски и снова смотрел в чёрное окно. Будто пытался отыскать там ответы на вопросы, на которые так и не смог найти ответ за рабочим столом.

Тогда всё это казалось мне почти настоящим приключением. Папа был кем-то вроде героя, который ловит плохих парней и раскрывает загадки. Я даже не задумывалась о том, сколько всего скрывалось за его работой. Но, когда я подросла, меня всё больше начала увлекать другая сторона его профессии — человеческая. То, как поступки людей, их страхи,

обиды и скрытые мотивы могут влиять на чужие жизни.

Папа часто говорил мне, что в расследовании важно не просто собрать доказательства и установить, кто виноват. Нужно ещё понять, что привело человека к этому поступку. Не для того, чтобы оправдать его или найти ему какое-то объяснение, а чтобы разобраться, что именно им двигало. Он считал, что за каждым поступком что-то стоит — страх, злость, обида, отчаяние. И если понять, чем руководствуется человек, что происходит у него в голове и как он воспринимает окружающий мир, со временем становится легче распознавать модели поведения, понимать мотивы и предугадывать возможные действия.

Именно тогда я впервые начала смотреть на людей иначе. Не просто как на лица в толпе, а как на сложные механизмы, в которых порой достаточно одной сломанной детали, чтобы нарушилась вся система.

Отец учил меня простому правилу: улики могут вводить в заблуждение, отпечатки стираются, камеры не всегда фиксируют то, что действительно важно. Но за каждым преступлением всегда стоит человек. И именно в нём зачастую скрывается ответ, который невозможно найти среди вещественных доказательств. Нужно лишь знать, куда смотреть.

Мне не нужно было спасать мир. Мне хотелось защитить его, уберечь от той бесконечной темноты, в которую он погружался с каждым новым делом. Я хотела научиться замечать то, что ускользало от других: ложь за идеальной улыб-

кой, трещины в чужой безупречной маске и мотивы, которые человек прячет даже от самого себя.

Так психология и пришла в мою жизнь — не из учебников. Сначала это было простое желание понять людей. Но со временем оно переросло в нечто большее — интерес к поведенческому анализу, который в итоге стал для меня способом приблизиться к миру, в котором всю жизнь вращался мой отец.

Меня интересовало не только то, что человек говорил, но и то, что он старался скрыть между строк. Едва заметные движения, мимика, защитные реакции, попытки манипулировать, повторяющиеся модели поведения, противоречия между словами и поступками — всё это постепенно становилось для меня предметом особого внимания.

Уже после окончания бакалавриата я научилась замечать подобные детали, сопоставлять их между собой и составлять первое впечатление о человеке, пытаясь понять, что может стоять за его поведением. Конечно, это не означало, что я умела читать мысли. Но иногда мне очень хотелось, чтобы это было именно так.

Я встала с кровати, быстро привела себя в порядок в ванной и спустилась на кухню. Там пахло свежесваренным кофе, который приготовил папа. Я налила себе чашку, добавила немного молока и села за стол. Взяв телефон, принялась хаотично листать ленту, даже не особо вникая в то, что попадалось на глаза. Просто механически водила пальцем по

экрану, слегка покачивая головой вверх-вниз, словно китайский болванчик.

Моя смена в Magnolia Village Pub начиналась в три часа дня. И сегодня мне хотелось оказаться там как никогда. После всего, что произошло за последние дни, перспектива провести несколько часов среди шумной, хаотичной толпы казалась настоящим спасением. Чем угодно, лишь бы не оставаться наедине с собственной головой и тем, что в ней творилось.

А пока я неспешно пила кофе и тупо пялилась в экран телефона. Я настолько погрузилась в это бессмысленное занятие, что короткая вибрация телефона в ладони буквально выдернула меня из оцепенения.

На экране высветилось новое сообщение. Я невольно нахмурилась, увидев вместо имени отправителя просто набор незнакомых цифр.

Неизвестный номер: *«Эвелин, будь хорошей мышкой, а главное правило выживания для мышки — никому не рассказывать про кота».*

Я перечитала сообщение. Ещё раз. Медленно, слово за словом, словно надеясь, что буквы вдруг перемешаются и сложатся в какую-нибудь бессмыслицу. Но текст оставался прежним.

Внутри всё словно заледенело. Воздух застрял в горле, глаза защипало, а пальцы онемели настолько, что я едва удерживала телефон. Он вдруг показался мне раскалённым

угольком, который невозможно было выпустить из рук.

Это был он.

Он написал мне. Он знал мой номер. Знал, как меня зовут.

Но страшнее всего было даже не само сообщение. Если он знал моё имя и номер телефона, то что ещё ему было известно? Одна мысль сменяла другую, и каждая была страшнее предыдущей. Они теснились в голове, не давая сосредоточиться.

Ещё несколько минут назад я спокойно сидела на кухне и пила кофе, даже не подозревая, что кто-то уже сумел подобраться ко мне настолько близко. Теперь же привычная обстановка вокруг словно перестала быть безопасной. Он мог быть где угодно. Возможно, гораздо ближе, чем я могла себе представить. От этой мысли по спине пробежал холодок, а на руках выступили мурашки.

Я медленно положила телефон на стол. Несколько секунд просто смотрела перед собой, не в силах пошевелиться. Страх постепенно заполнял меня изнутри — липкий, холодный, почти осязаемый. По щеке скатилась слеза. Я даже не попыталась её вытереть.

Это был чистый, животный страх.

Мне хотелось вскочить, побежать к папе, рассказать ему всё. Сказать, что человек из той ночи вышел со мной на связь. Признаться, что я ошиблась, думая, будто знаю, что делаю.

Но я не побежала.

Я продолжала сидеть неподвижно, глядя перед собой и пытаясь собрать мысли воедино. Зачем он написал? Чего он от меня хотел? Вопросы возникали один за другим, не оставляя мне ни секунды покоя. И чем больше я пыталась разобраться в происходящем, тем яснее понимала: если сейчас поддамся страху, то только сделаю хуже себе.

Мне нужно было хотя бы ненадолго отстраниться от происходящего и посмотреть на ситуацию со стороны. Попробовать взглянуть на неё не только глазами испуганной девушки, но и с позиции человека, который хотя бы немного разбирается в человеческом поведении. Не дать страху затуманить мысли и постараться рассуждать холодной головой.

Но, как оказалось, сделать это было гораздо сложнее, чем я думала. Одно дело — анализировать чужие поступки, и совсем другое — сохранять спокойствие, когда сама оказываешься в подобной ситуации. Сколько бы навыков и опыта я ни накопила в понимании людей, это не сделало меня провидцем и уж тем более не защитило от банального человеческого страха, растерянности и паники.

Я сидела, а в голове проносились десятки мыслей. Одна сменяла другую, и всё смешивалось в какой-то бесконечный хаос. Я пыталась ухватиться хоть за одну из них, вытащить что-то определённое из этого хаоса, но мысли ускользали, не давая сосредоточиться.

И вдруг в памяти всплыло знакомое место. Голос преподавателя. И тема одной из лекций.

Это было в прошлом семестре. Поведенческая психология и кризисная коммуникация.

Тогда мы изучали техники, которые используют люди, пытающиеся получить контроль над собеседником. Одна из них называлась «перехватом фрейма».

Фрейм — это своего рода рамка, через которую человек предлагает тебе смотреть на ситуацию. Он задаёт правила восприятия, распределяет роли и словно заранее определяет, кто здесь главный.

Например, если человек говорит: «Я опасен, ты боишься меня», он уже пытается навязать тебе определённую роль. В этой картине мира он — тот, кто контролирует ситуацию, а ты — та, которая должна испугаться. Подчиниться. Замолчать.

И самое интересное заключается в том, что, принимая эту роль, ты невольно начинаешь играть по его правилам.

Мы тогда разбирали несколько примеров, и преподаватель сказал одну вещь, которая почему-то особенно хорошо запомнилась:

Если человек пытается заставить тебя играть по своим правилам, первый шаг к возвращению контроля — отказаться от самой роли, которую он тебе навязывает.

Не спорить. Не оправдываться. Не пытаться доказать, что он неправ.

Просто выйти из игры, в которую тебя пытаются втянуть.

Сообщение всё ещё светилось на экране.

«Мышка. Кот».

Он уже придумал нашу маленькую игру. Решил, кто здесь хищник, а кто жертва. И, судя по всему, прекрасно представлял, какой реакции ждёт от меня. Страха. Растерянности. Молчания. Мольбы оставить меня в покое?

Но он не так уж сильно ошибался.

Мне действительно было страшно. От этого сообщения, от его уверенности и от того, как легко ему удалось нарушить моё спокойствие. Я снова и снова прокручивала в голове его слова, пыталась разобрать каждую деталь, понять, что стояло за его действиями. И всё это уже занимало гораздо больше моих мыслей, чем мне хотелось бы.

Если моей целью действительно было не втягиваться в эту странную игру ещё глубже, то последнее, что мне следовало делать, — давать ему понять, что он попал в цель.

Он ждал реакции. Возможно, хотел увидеть мой страх, растерянность или хотя бы понять, что ему удалось меня задеть.

Но я не собиралась давать ему это удовлетворение.

Я медленно выдохнула. Паника никуда не исчезла. Сердце всё ещё бешено колотилось, ладони оставались холодными. Но сквозь страх постепенно пробивалось другое чувство. Упрямство.

И сейчас человек по ту сторону экрана сам, пусть и невольно, дал мне кое-что понять о себе. Ему было важно чувствовать контроль. Важно знать, что его слова вызывают

нужную реакцию.

А значит, у меня оставался выбор. Я не могла контролировать его действия, но могла решить, как на них реагировать. И эту часть контроля я собиралась оставить за собой.

Снова посмотрев на телефон, я открыла поле ответа. Пальцы зависли над клавиатурой. Нужно было написать что-то неожиданное. Не оправдываться. Не угрожать. Просто разрушить предложенный им сценарий.

На губах появилась усмешка. Сама не понимая почему, я начала печатать.

Закончив, перечитала сообщение ещё раз. Дерзко. Глупо. Опасно. И, возможно, именно поэтому — правильно.

Палец замер над кнопкой отправки. На мгновение я представила его реакцию. Человека в чёрном капюшоне. Убийцу, стоящего над телом и, вероятно, уже решившего, что я стала досадной ошибкой в его идеально выстроенном плане.

Я нажала «отправить».

Сообщение было отправлено. Я положила телефон на стол и откинулась на спинку стула. Теперь оставалось только ждать.

И впервые с той ночи меня занимало не только то, что он собирался сделать со мной. Мне стало интересно другое: как он отреагирует, когда поймёт, что его мышка умеет кусаться.

Глава 4

Киллиан

Сообщение пришло в 12:53. Краем глаза я заметил, как слева от меня вспыхнул экран телефона, оповещая о новом уведомлении. Я повернул голову, взял телефон и разблокировал его, чтобы прочитать сообщение. В первые секунды мозг просто отказался обрабатывать информацию. Я моргнул и перечитал строку снова.

Эвелин:*«Ты со всеми девушками знакомишься столь эффектно или мне просто особенно повезло?»*

Я невольно нахмурился, перечитывая сообщение.

— Какого… — вырвалось у меня само собой.

Не буду кривить душой: такой реакции я точно не ожидал. Обычно всё происходило по-другому. Мне не раз приходилось иметь дело с людьми, которых требовалось приструнить, и я прекрасно знал, насколько действенной может быть неизвестность. Она пугала сильнее любых угроз. Стоило дать человеку понять, что тебе известна какая-то деталь, о которой он никому не рассказывал, — и его выдержка тут же давала трещину.

Я откинулся на спинку кресла и ещё раз перечитал со-

общение. Да уж. На мгновение даже замешкался, пытаясь понять, что за этим стояло. Интересно. То ли она пыталась скрыть страх за показной дерзостью, то ли просто набивала себе цену. А может, и впрямь решила, что ей удастся играть по собственным правилам…

Её сообщение основательно отвлекло меня от работы. С досадой выдохнув, я открыл ноутбук и нашёл файл с заметками, которые сделал ранее, когда изучал её университетские данные.

Эвелин Хейзел Кросс, 26 лет. Магистрантка второго курса факультета клинической психологии.

Я пробежался взглядом по последней строчке и слегка прищурился.

Психолог. Значит, наша Мышка — психолог.

Окей. Теперь понятно, откуда ноги растут.

Теперь её ответ казался чуть менее случайным. Но это ещё не означало, что она понимала, с кем связалась.

Я решил посмотреть, какой она была за пределами университетских баз и официальных записей. Нашёл её страницы в социальных сетях и начал просматривать одну за другой. Фотографии с университетских мероприятий. Несколько снимков с друзьями. Книги. Кофе. Какие-то записи о лекциях. Ничего интересного.

Я задерживался на подписях к фотографиям, читал комментарии под постами, просматривал, что она писала сама и как отвечала другим. Пытался уловить что-то между строк:

манеру общения, привычные реакции, то, что могло бы рассказать о ней больше, чем десятки официальных характеристик. Но пока ничего особенного не находилось. Место работы тоже нигде не бросалось в глаза.

Но даже эти обрывки информации не помогли понять, с кем я имел дело. Она и вправду была настолько смелой? Или просто умело скрывала страх за показной дерзостью?

Я открыл диалог. Можно было ничего не отвечать. Так было бы разумнее: оставить её в ожидании и позволить воображению сделать за меня всю работу.

Но я всё-таки написал.

Неизвестный номер: *«Особенно тебе».*

Экран погас. Я положил телефон рядом и попытался переключиться на работу. Но взгляд против воли то и дело возвращался к дисплею в ожидании нового сообщения.

Это раздражало.

Я не должен был ждать. Да и продолжать этот разговор не имело никакого смысла. Она была всего лишь неожиданным последствием одной паршивой ночи, и на этом всё должно было закончиться.

Но почему-то мне всё ещё хотелось знать, что она ответит.

Я перевёл взгляд на окно. За стеклом кипела привычная городская жизнь: машины проносились по улицам, прохожие торопливо шагали по тротуарам, а вдали доносился приглушённый гул транспорта.

А где-то в этом муравейнике находилась она. Та самая

девчонка, которая случайно стала свидетельницей моей расправы и теперь сидела по ту сторону мерцающего экрана, отпуская в мой адрес едкие шуточки и, похоже, совершенно не осознавая, с кем связалась.

Впервые за долгие годы, за годы планов, выверенных до мелочей, я совершенно не представлял, каким будет следующий шаг этого человека.

И, к собственному раздражению, понимал, что именно это меня и цепляет. Неизвестность. Непредсказуемость. Этот странный, запретный азарт, от которого по венам разливалось что-то обжигающее и опасно приятное.

Эвелин

Я несколько минут смотрела на экран, прежде чем снова открыть сообщение. Пробежавшись глазами по строчкам, я невольно прикусила губу.

Неизвестный номер: *«Особенно тебе».*

Вот и всё. Два слова. Но почему-то я перечитала их ещё раз. Затем отложила телефон, но почти сразу снова потянулась за ним и уставилась на экран.

— Господи…

Я провела ладонью по лицу.

Это было нелепо. Я должна была бояться. И я боялась. Но где-то между страхом и раздражением пробрался интерес.

Никаких угроз. Он просто продолжил игру, будто всё про-

исходящее было совершенно обычным.

И это будоражило. Человек по ту сторону экрана не производил впечатления того, кто действует импульсивно. Казалось, он никуда не торопится и прекрасно знает, что делает. Он будто позволял мне самой решать, насколько далеко зайдёт этот разговор.

Я открыла переписку, и пальцы сами собой потянулись к клавиатуре. Я начала набирать ответ, а потом перечитала написанное и невольно улыбнулась. Решила не отправлять его сразу. Пусть немного побудет в черновиках. Погасив экран, я положила телефон на стол.

Я встала, сполоснула кружку из-под кофе и поставила её на сушилку. Потом поплелась в душ.

Тёплая вода немного помогла прийти в себя, но усталость никуда не исчезла. Закончив, я вытерлась полотенцем и подошла к зеркалу. Стекло запотело, и я провела по нему ладонью, освобождая небольшой участок.

Отражение явно не претендовало на обложку глянца. Смуглая кожа казалась тусклой, а тени под глазами разрослись до таких масштабов, что я уже начинала подозревать в себе родство с семейством панд. Ещё немного — и ближайший зоопарк предложит мне отдельный вольер.

Я несколько секунд молча изучала этот шедевр современного искусства.

Если природа решила окончательно поиздеваться над моим внешним видом, придётся брать ситуацию в свои руки. Я

решительно открыла косметичку. Немного тонального крема, консилер под глаза, тушь и капля румян.

Я ещё раз посмотрела на себя в зеркало.

— Гораздо лучше, Иви, — пробормотала я. И, что удивительно, на этот раз даже сама себе поверила.

Папа подвёз меня до работы, пообещав заехать после окончания смены. Я подхватила сумку и шагнула из салона на улицу. Перед тем как захлопнуть дверцу, перехватила его взгляд и отправила ему воздушный поцелуй. Он сделал вид, что поймал его, прижал к щеке и улыбнулся так мягко, что я невольно улыбнулась в ответ.

Я закрыла дверь машины и направилась к бару.

К шести часам «Magnolia Village Pub» уже начал заполняться людьми. Бар постепенно оживал. Сначала появились несколько постоянных посетителей, затем потянулись компании студентов, пары и мужчины, решившие пропустить по стаканчику после работы. Музыка становилась громче, свет приглушили, а на стойке начали появляться первые пустые стаканы.

Вместе с привычным шумом возвращалось и то самое ощущение, ради которого мне нравилась эта работа.

Люди понемногу раскрывались, переставали скрываться за привычными масками и становились самими собой. Кто-то начинал говорить слишком много, кто-то становился агрессивным, кто-то неожиданно признавался в любви.

Наблюдать за людьми давно вошло у меня в привычку. Я

почти автоматически цеплялась взглядом за всё, что происходило вокруг. И почему-то это успокаивало.

Например, мужчина в синей рубашке уже в третий раз бросил взгляд на дверь, явно кого-то ожидая. Девушка за дальним столиком нервно поправляла волосы каждый раз, когда мимо проходил наш официант Джордж, словно пыталась привлечь его внимание. Двое посетителей за соседним столиком о чём-то спорили, хотя оба, судя по всему, старательно делали вид, что просто шутят.

Самые обычные люди со своими маленькими секретами, желаниями и заботами.

Мне почти удалось погрузиться в привычную рабочую атмосферу и ни о чём больше не думать. Почти. Пока кожу не защипало от ощущения чужого взгляда.

Подняв голову, я заметила у входа мужчину в тёмной куртке и чёрных брюках. В одной руке он держал телефон и смотрел прямо на меня.

Наши взгляды встретились всего на секунду, прежде чем он отвернулся.

После всего, что обрушилось на меня за последние дни, я уже не была уверена, что могу доверять собственным инстинктам. Граница между реальной опасностью и паранойей, казалось, становилась всё тоньше, и я уже не всегда могла понять, где заканчивалось одно и начиналось другое. Теперь даже обычный мужчина, слишком долго решавший, какое, чёрт возьми, пиво ему заказать, мог показаться мне подозри-

тельным. Я заставила себя вернуться к заказам, решив, что не позволю собственным страхам и теням, поселившимся в моей голове, нагнетать обстановку ещё сильнее.

Следующие десять минут я полностью погрузилась в работу. Относила напитки гостям, убирала пустые бокалы со столиков и старалась лишний раз не смотреть по сторонам. Но в какой-то момент любопытство всё же взяло верх. Я снова скользнула взглядом по залу, пытаясь отыскать знакомую фигуру среди посетителей, но никого не заметила. Мужчины больше не было.

Из груди вырвался невольный вздох облегчения.

Я вернулась к работе, стараясь выбросить эту ситуацию из головы. Смахнув со лба выбившуюся прядь волос, потянулась за бокалом для виски к зеркальной витрине. И в тот же миг краем глаза уловила движение в отражении.

Я замерла.

Там снова был он.

Незнакомец стоял неподалёку от входа. И, как и прежде, его взгляд был направлен прямо на меня.

По спине пробежали ледяные мурашки, а где-то внизу живота всё болезненно сжалось от внезапного приступа страха. Несколько секунд я просто смотрела на отражение, боясь даже пошевелиться.

На этот раз всё уже не казалось простой случайностью. Стараясь не смотреть на него слишком пристально, я всё же попыталась рассмотреть его получше. И чем дольше вгляды-

валась в незнакомца, тем сильнее крепло ощущение, что я уже видела его раньше. В ту самую ночь.

Конечно, я не могла поклясться, что это был именно он, но страх словно настойчиво подталкивал мои мысли к одному-единственному выводу.

Сердце гулко застучало в груди, отдаваясь неприятной тяжестью где-то под рёбрами. Я заставила себя отвернуться, стараясь ничем не выдать своего состояния.

Держать лицо. Не привлекать внимания. Продолжать работать так, будто ничего не происходит.

С того момента, как я снова увидела его, работать стало практически невозможно. Руки будто перестали меня слушаться: движения стали резкими, суетливыми. Я то и дело путалась в заказах, ловя себя на том, что по несколько раз проверяю одни и те же чеки. Я изо всех сил старалась вести себя как обычно, но ощущение чужого взгляда не отпускало ни на секунду.

От одной только мысли, что он всё ещё здесь и наблюдает за мной, внутри всё болезненно сжималось.

И всё же одна мысль не давала мне покоя: если это действительно он, зачем он пришёл сюда? Чего он от меня хочет?

Не в силах больше выдерживать этот тяжёлый, почти физически ощутимый взгляд, я снова посмотрела в сторону мужчины. Наши глаза встретились, и на мгновение он отвёл взгляд, но уже через секунду снова посмотрел на меня.

Этого оказалось достаточно.

Выдерживать его внимание больше не было сил. Нарастающее беспокойство смешалось с глухой, разъедающей злостью. Я резко развернулась и почти бегом скрылась в подсобке, захлопнув за собой дверь.

Тяжело дыша, я прислонилась к стене и попыталась восстановить дыхание. Несколько секунд ушло на то, чтобы собраться с мыслями. Затем дрожащими пальцами я достала телефон из кармана фартука и открыла переписку.

Его последнее сообщение всё ещё было перед глазами: «Особенно тебе».

Открыв клавиатуру, я увидела свой так и не отправленный ответ, всё ещё висевший в черновиках. На губах появилась нервная, почти отчаянная улыбка. Несколько секунд я смотрела на экран, раздумывая, что делать с сообщением. Но в итоге всё же нажала «Отправить».

Киллиан

Я поднёс сигарету к губам и глубоко затянулся. Дым медленно заполнил лёгкие, прежде чем я выпустил его, наблюдая, как золотистые облака постепенно растворяются в тёплом вечернем воздухе.

Я уже успел погрузиться в собственные мысли, когда телефон в моей руке коротко завибрировал. Экран вспыхнул, высветив новое уведомление, и мой взгляд тут же устремил-

ся к входящему сообщению.

Отправитель: **«Дерзкая Мышка».**

На губах сама собой появилась усмешка. Именно так я и записал её после первого же сообщения. Эвелин? Нет, это имя ей совершенно не шло. Слишком уж правильное, слишком обычное. А вот Дерзкая Мышка… В этом прозвище было куда больше правды. Особенно учитывая, с каким характером мне предстояло иметь дело.

Дерзкая Мышка:*«Может, хоть во второй раз тебе удастся произвести впечатление получше. С первого раза вышло так себе».*

Я зло усмехнулся, перечитав сообщение. Надо же, решила напомнить мне о той ночке. Дерзко или откровенно глупо? Пожалуй, и то и другое. Видимо, инстинкт самосохранения у этой девчонки работал из рук вон плохо.

Неизвестный номер: *«Боюсь, ты переоцениваешь степень моего интереса».*

Ответ прилетел незамедлительно:

Дерзкая Мышка:*«Тогда зачем? Зачем ты меня преследуешь?»*

Я замер, глядя на экран. Брови сами собой поползли вниз.

Какого хрена?

Я недоумённо пробежался глазами по пространству вокруг, на секунду усомнившись в собственной реальности. Затем снова уткнулся в дисплей, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение.

Неизвестный номер: *«Кажется, кому-то пора завязывать с выпивкой».*

Дерзкая Мышка:*«Я задала вопрос».*

Я нахмурился, перечитывая строку.

Неизвестный номер:*«Понятия не имею, о чём ты. Хотя продолжай. Мне даже стало немного интересно».*

Несколько секунд экран оставался неподвижным.

Дерзкая Мышка: *«С чего ты решил, что можешь вот так вторгаться в мою жизнь, заявляться ко мне на работу? Я тебе ничего не сделала. Какого чёрта?»*

Я брезгливо скривил уголок рта. Надо же, какая самонадеянность. А ведь я даже не знал, где она работает. Пока что. Впрочем, этот пробел я ещё планировал исправить.

Но с чего она вообще решила, что это я? Интересно, неужели на роль вселенского зла у нас всего одна кандидатура?

Неизвестный номер: *«Ты бредишь. И мне абсолютно всё равно, кто там нарушает твой драгоценный покой. Разбирайся со своими поклонниками сама».*

Ответ появился не сразу.

Дерзкая Мышка: *«Да пошёл ты…»*

Я раздражённо заблокировал телефон и с глухим стуком бросил его на стол.

Да уж… Прекрасно пообщались. Чёрт бы побрал эту девчонку.

Её обвинения раздражали, но ещё больше раздражала

мысль, что какой-то хер возомнил, будто ему всё дозволено. Да, возможно, она преувеличивала. Но, зная, сколько мрази шатается по улицам Сиэтла, было бы глупо исключать худший вариант.

Спустя какое-то время я вернулся из душа. Подтянув к себе телефон, взял его и покрутил в руке. На мгновение мелькнула мысль написать ей какую-нибудь колкость. Заодно проверить, как там обстоят дела у этой представительницы семейства мышиных. Но я быстро отмёл эту мысль.

К чёрту. Мне до неё нет никакого дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.